

Храмовые правила должны быть нарушены (2)

Ли Хун Юань страдает от своей одержимости [1]. После исполнения желания эта навязчивая идея сотрется. Как только состояние духа придет в порядок, естественно, настанет мир. Если одержимость не исчезнет, то чем больше времени пройдет, тем глубже станет проклятие. И кто знает, какие волны он вызовет даже с той властью, которая уже у него в руках. А пострадают, разумеется, невинные люди. Возможно, когда-нибудь Ли Хун Юань лишится рациональности или станет потакать себе, делая все, что заблагорассудится. Маловероятно, что он не заставит людей страдать. Хотя ему не хотелось сотрясать страну, это было только ради того, чтобы наслаждаться жизнью с Цзин Вань. Но если он не сможет получить ее, у Ли Хун Юаня, конечно, будет много свободного времени. Возможно, чем более хаотичным станет мир, тем счастливее он себя почувствует. Тогда у него будет чем заняться, чтобы скоротать время, не так ли? По сравнению со своей прошлой жизнью он, без сомнения, обострит обстановку еще сильнее.

— Тогда осмелюсь спросить у наставника, способен ли этот принц уже исполнить чье-то желание или вы готовитесь бросить вызов небесам и изменить судьбу этого принца?

— Шесть лет назад это было все равно что смотреть на цветы в тумане: многие вещи были неопределенными. Действия вашего высочества проложили четкий путь.

— Вот почему, как и ожидалось, всякий успех все еще зависит от старания. Через два дня она приедет в храм Белого дракона. Наставник может тоже посмотреть.

— Ваше высочество надеется, что этот скромный монах прочитает судьбу этой барышни?

— Наставник может действовать согласно своим правилам, этот принц не станет настаивать.

— Слова: "этот принц не станет настаивать", исходящие из уст вашего высочества, действительно трудно получить.

— На ней этот принц будет настаивать, но навязывать не станет. Причины вам должны быть ясны, наставник.

— Сердце вашего высочества не меняется, — Ляо Чэнь кивнул, — будь другие хороши или плохи, все безразлично.

Раздался легкий стук в дверь и послышался звонкий совсем еще детский голос:

— Шифу, тот старый благодетель [2] у подножия горы просит о встрече.

— Будда Амитабха, я понял. А пока пусть старый благодетель подождет немного, — после этого он посмотрел на Ли Хун Юаня с ясным и дружелюбным выражением лица: — Ваше высочество,

делайте, что пожелаете, этот скромный монах скоро вернется.

Ли Хун Юань бросил на него взгляд:

— Как и ожидалось, вы все еще такой же, как раньше, играете и притворяетесь сострадательным. Ради простого человека можете оставить этого принца. Если нужно идти, просто идите. Не нужно возвращаться сегодня. Этот принц проведет некоторое время в тишине и покое, — это прозвучало так, как будто он рассердился из-за пренебрежения наставника Ляо Чэня. В конце слова шестого императорского сына даже перестали быть уважительными, но на самом деле это было не так. Для него Ляо Чэнь был довольно особенным, поэтому Ли Хун Юань относился к монаху более-менее снисходительно.

— Будда Амитабха, все потому, что ваше высочество милосерден. Если бы ваше высочество не позволил, этот скромный монах тоже не действовал бы так самонадеянно.

— Значит, старый монах тоже овладел легкомысленной речью?

— Этот монах не лжет.

Ли Хун Юань холодно рассмеялся:

— Не тратьте слово "милосердие" на этого принца. Мне, человеку, чья душа и сокровенные думы целиком черны, лучше не осквернять это слово.

Наставник Ляо Чэнь все еще выглядел "скорбящим о мире и жалеющим людей", мягко улыбаясь:

— Этот скромный монах никогда не ошибался.

Ли Хун Юань был слишком ленив, чтобы продолжать беспокоиться о нем.

После ухода наставника Ляо Чэня Ли Хун Юань встал и подошел к окну. Евнух Му пошел вперед и раскрыл окно.

Поскольку храм Белого дракона — это буддийский храм императорской семьи, в нем, естественно, есть некоторые места, в которые обычные люди не могут вторгаться. А этот маленький дворик среди них был еще более особенным. Тихий и уединенный, но не отдаленный. В обычных условиях он не привлекал много внимания.

И причина, по которой Ли Хун Юаню понравилась эта гостевая комната, заключалась в том, что, просто открыв окна, можно увидеть весь персиковый сад задней части горы. Зона обзора была исключительно широкой. Отсюда трепещущие персиковые цветы выглядели и правда

прекраснее всего на свете.

— Господин, барышня Ло и другие приедут в храм Белого дракона завтра, — евнух Му крепко придерживался своих обязанностей верного пса.

Конкуренция среди таких кастрированных людей, как он, высока. Господ очень много, а хорошо живших господ, наоборот — очень мало. А людей со скромным статусом — сколько душе угодно, независимо от того, кто выделился, всегда будет толпа, смотрящая сзади, всегда. Не для того, чтобы ты не допустил ошибку, а скорее для того, чтобы ты ее сделал. На самом деле, как и в других местах, против тебя всегда будут строить интриги. Момент небрежности, и тебя могут стащить с лошади. Только прошлой ночью он почти потерял слой кожи, потому что вовремя не догадался об истинной цели прихода господина в храм Белого дракона. Из-за этого евнух Му продолжал усердствовать, показывая своему хозяину, что его нельзя заменить. Даже если нрав этого господина нехороший и иногда следовать за ним означает подвергаться угрозе лишиться головы, все же это лучше, чем оказаться втоптаным в грязь другими. Более того, у всего две стороны. Когда господин нехорош, больше думай о его хорошей стороне.

Ли Хун Юань не был удивлен. В соответствии с уровнем одержимости Вань Вань цветами, возможность подождать до завтрашнего дня уже считалась чем-то из ряда вон выходящим.

— Кто вообще едет?

Евнух Му одного за другим назвал всех людей, которых Цзин Вань пригласила, затем были перечислены сопровождающие люди из семьи Ло.

Выражение лица Ли Хун Юаня было безразличным. Сколько бы людей ни приехало, они все равно не смогут помешать осуществить запланированное. Он, разумеется, не был доволен тем, что ему приходилось постоянно наблюдать из темноты. Даже если он не может делать ничего интимного на публике, по крайней мере, он должен позволить Вань Вань сначала познакомиться с самим собой. Встретиться впервые в брачную ночь и тратить год или два впустую, насколько глупым он должен быть, чтобы сделать что-то подобное?

— Пойди и принеси банку шестилетнего персикового вина.

— Слушаюсь.

Вот почему правила и предписания буддийского храма для Ли Хун Юаня вообще ничего не значили. Нарушать ли правила или придерживаться их, все зависело от него самого. Все думали, что Ли Хун Юань предается удовольствиям и не способен выдержать простоты монашеской жизни. Кто бы знал, что в его прошлой жизни, после того, как он взошел на трон, из-за слишком большого ущерба после битвы за трон в его руках в самом начале не было ни одного талантливого человека. Когда он вышел на поле битвы сам как император, было время, когда из-за поражений на поле брани, он, почетный правитель, жил, питаясь на ветру, и спал на росе. Ли Хун Юань никогда не жаловался. Эта простота буддийских храмов, по его мнению, даже не могла рассматриваться как пустяк.

Конечно, Ли Хун Юань тоже не стал бы слишком перегибать палку. Выпить немного вина, а потом съесть немного мяса — все это было несущественно. Похоть и все такое прочее не играет особой роли, он не прикоснется, если только Вань Вань не придет к нему сама и не позволит ему нарушить это правило. Тем не менее, с его пониманием характера Вань Вань, даже если у них двоих были бы общие чувства, или даже будь они женаты, она все равно не согласилась бы здесь безобразничать.

Одна только мысль об этой сцене вызывала у него сильнейшее желание попробовать. Возможно, из-за табу у Вань Вань могут быть неожиданные реакции. Взгляд Ли Хун Юаня потемнел, он даже облизнулся. Этот его вид был особенно соблазнительным, но и особенно пугающим.

Во дворе, под взглядами боевых монахов, евнух Му выкопал из-под дерева кувшин с вином. Четыре боевых монаха, каждый из которых походил на статую, даже глазом не моргнули.

С того года, когда Ли Хун Юань впервые приехал в храм Белого дракона в шестнадцать лет, он сбрасывал бесчисленное количество персиковых цветов и просто закапывал их во дворе. Говорил, что так вино впитает ауру буддистов, станет еще насыщеннее и вкуснее. Впоследствии один раз в год он выкапывал очередной кувшин (иногда даже не один), ведь более половины дворовой площади было занято кувшинами с вином, но никто ничего не говорил, потому что главный монах кивком головы разрешал это.

Согласно высказыванию наставника Ляо Чэня, статус Цзинь циньвана благороден, такие мелочи, о которых не следует беспокоиться, казалось бы, демонстрировали, что буддист тоже обычный человек: также склоняет голову перед властью влиятельных и знатных. Как раз в тот момент, когда он говорил это, не прими он свой обычный вид а-ля "купание в Свете Будды, скорбя о мире и жалея людей", возможно, все же было бы немного больше правдоподобия. Знающие верили, что будь это кто-то другой, пусть даже его величество, наставник Ляо Чэнь отверг бы их всех. К сожалению, кроме Ли Хун Юаня, этого отошедшего от канонов и изменившего истинному пути живого Янь-вана, вероятно, не существовало никого, кто бы сделал что-то подобное, никто бы даже не подумал об этом.

Вот почему те люди, которые надеялись на то, что он не сможет вынести упрощенного монашеского образа жизни и пострадает от порки честных боевых монахов за нарушение правил, естественно, будут разочарованы. Это было именно так, как сказал Ли Хун Юань: если они желали использовать эту возможность, чтобы придирается, им все же в первую очередь нужно знать, что он все это сделал. Впотьмах люди совершали секретные маневры, заставляя служителей внутреннего двора мчаться в храм Белого дракона на полной скорости верхом на лошадях, чтобы доставить устный указ его величества. Все должно быть организовано до прибытия Ли Хун Юаня. И все же каковы результаты? Внутри и снаружи двора стояло довольно много боевых монахов, но они были просто украшениями. Все это делалось для того, чтобы видели определенные люди во дворце, возможно, они даже служили телохранителями.

Евнух Му содрал запечатывавшую глину, тщательно очистил участки вокруг горлышка кувшина, затем вынул из потайного шкафчика в комнате для гостей чашу для вина и помыл ее, планируя налить для Ли Хун Юаня вино. Тот отмахнулся, протянул руку и взял кувшин, прямо выливая содержимое себе в рот.

Часть вина стекала вдоль шеи до воротника, а потом пропадала. Постепенно цвет его одежды углубился, очевидно, она уже промокла и прилипла к коже. Даже если он был одет более чем в один слой, это все равно обрисовало контуры его груди, а уж если дополнить это урчанием в горле...

Евнух Му внутренне поблагодарил Будду за то, что, к счастью, здесь нет ни одной женщины.

Прикончив кувшин с вином, Ли Хун Юань просто наугад отбросил его в сторону, тот вылетел через окно и с грохотом приземлился во дворе.

Ли Хун Юань все еще сидел неподвижно, и его лицо так и не покраснело, казалось, он ни капельки не был пьян, даже приказал:

— Му Ань, пусть кухня приготовит два вегетарианских блюда, чтобы отправить их во дворец благородной супруге Су. Пока этот принц в храме Белого дракона, не переставай их посылать.

Су гуйфэй сказала, что скучала по вегетарианским блюдам храма, так что господин отправляет их ей? Какое сыновнее благочестие! Но господин назвал ее "благородная супруга Су", а не муфэй... Стоп! Не думать!

— Слушаюсь.

Ли Хун Юань подошел к очень жесткой кирпичной кровати, которую уже давно нагрели, и сел, медленно закрыв глаза. Затем его тело расслабилось. Подперев голову одной рукой, он лег ничком; его дыхание очень быстро стало легким и замедленным, казалось, он уже заснул. Евнуху Му когда-то посчастливилось попробовать это вино из персикового цвета. Оно не было плотным и вязким, даже сладко пахло цветами и казалось более подходящим для женского вкуса, но сила воздействия была высока. Непосредственно выпив целый кувшин без еды, даже если вы устойчивы к алкоголю, вас все равно вырубит.

Евнух Му пошел вперед, увидев влажный наряд господина, на мгновение заколебался, а затем накрыл его одеялом. Он не посмел менять одежду. Когда-то была похожая ситуация. Прежде чем рука успела дотянуться до воротника, его пинком послали в полет. Тот удар чуть не лишил евнуха Му жизни. Даже просто думая об этом сейчас, он все еще чувствовал боль. С тех пор слуга больше не осмеливался заниматься самодеятельностью, и, к счастью, после пробуждения господин не наказал его за то, что тот не сделал все возможное, чтобы служить ему.

— Вань Вань... — раздался бормочущий звук, похоже, он действительно опьянел.

Евнух Му, услышав это, безмолвно и бесшумно отступил. Затем тихо и незаметно убрал пролитое вино, а также разбитый кувшин снаружи. Позволить этим монахам отчищать его и нюхать — это действительно грех. Господин уже навлек беду на достаточное количество людей, поэтому лучше всего отпустить этих безгрешных монахов.

Наставник Ляо Чэнь вернулся после того, как закончил с делами. Стоя у окна и видя глубоко спящего Ли Хун Юаня, он молитвенно сложил ладони:

— Будда Амитабха.

Евнух Му не знал, иллюзия ли это или нет, но ему казалось, что наставник Ляо Чэнь испытывает какие-то сложные и глубокие чувства.

[1] со слов анлейтора, которая китаянка, она переводит это слово как одержимость, но не считает, что это идеальный перевод. Это слово также может быть переведено как привязанность или сожаление в контексте; термин также используется для описания, когда у призрака есть сожаления о мире смертных, и только когда эти желания будут выполнены, он будет двигаться дальше. Это похоже на то, как этот термин используется здесь

[2] термин "благодетель" используется монахами для обращения к мирянину

<http://tl.rulate.ru/book/19909/787809>